

СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ

въ 1820 — 1843 гг.

Свѣтлѣйшій князь Д. В. Голицынъ род. 29-го октября 1771 года; трехъ лѣтъ отъ рожденія онъ былъ записанъ въ л.-гв. Преображенской полкъ, въ 1789 году былъ уже поручикомъ л.-гв. Коннаго полка; за участіе въ штурмѣ Праги (1794 г.) получилъ орденъ св. Георгія; въ 1798 г. ген.-маіоръ; участникъ великихъ войнъ съ Наполеономъ и войны со Швеціей въ эпоху Александра I. Пройдя всѣ степени военной службы до чина генералъ-отъ-инфантеріи и начальника корпуса, кн. Д. В. Голицынъ въ 1820 году назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Москвы, съ управленіемъ и гражданскою частью. 27-го марта 1843 г. князь (съ 1841-го года свѣтлѣйшій) Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ скончался въ Парижѣ, куда отправился изъ Москвы для поправленія здоровья; онъ оставилъ по себѣ память сановника умнаго, администратора энергическаго, человѣка, любившаго науку и ея подвижниковъ.

Печатаемая нынѣ о немъ рукопись сообщена «Русской Старинѣ» покойною вдовою М. П. Погодина—Софьей Ивановной, изъ бумагъ ея мужа. Составитель приводимыхъ разсказовъ былъ воспитанникъ московскаго университетскаго пансіона и одинъ изъ лицъ, довольно долго служившихъ при кн. Д. В. Голицынѣ; фамилія этого лица на рукописи не обозначена.

Ред.

Московскій генералъ-губернаторъ свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ представляетъ личность человѣка, воспитаннаго подъ вліяніемъ французскаго либерализма, начавшаго свои служебныя дѣйствія въ Александровское царствованіе и перенесшаго въ Николаевскую эпоху рыцарское благородство, со всѣми пороками и достоинствами вельможи Екатерининскихъ временъ; а между тѣмъ о такой личности нѣтъ полнаго жизнеописанія, многія обстоятельства его жизни, дѣйствія его, подвиги,

обрисовывающіе его характеръ и значеніе, не записаны въ лѣтописи; теперь они еще живутъ въ памяти многихъ, но современнымъ забудутся, изгладятся, исчезнутъ и такая личность, какъ личность Дмитрія Владиміровича Голицына, останется исторіей въ одной официальной формѣ.

Если не нашлось еще человѣка, которому были доступны семейные факты, преданія, документы, который посвятилъ бы свой трудъ на собраніе и разработку этихъ матеріаловъ, то въ виду облегченія труда будущему историку свѣтлѣйшаго князя, этого любимца Москвы и двухъ императоровъ, игравшаго двадцать три года важную административную роль въ Россіи, долгъ cadaго записать все, что этотъ каждый знаетъ изъ жизни князя, хотя бы и мелочи, и тѣмъ сохранить живой матеріалъ для его біографіи; стыдно будетъ тому, кто этого не сдѣлаетъ.

Съ такимъ убѣжденіемъ, при личномъ уваженіи къ памяти этого вѣстаго вельможи и аристократа не по одному названію, но и по возвышенности чувствъ и мыслей, человѣка благороднаго въ высшемъ значеніи этого слова, пишущій эти строки накладываетъ свои воспоминанія, съ сожалѣніемъ, что не можетъ прослѣдить цѣлой жизни князя Дмитрія Владиміровича, высказать все политическое и человѣческое значеніе его для Россіи и долженъ ограничиться только нѣсколькими случаями, анекдотами, ему извѣстными, но и они могутъ современемъ послужить фактами къ очертанію высокаго характера князя Дмитрія Владиміровича Голицына.

Пишущій эти строки тринадцать лѣтъ служилъ при свѣтлѣйшемъ, но изъ этихъ тринадцати лѣтъ надо выкинуть первые годы начинанія службы въ младшихъ должностяхъ, — годы вѣтрениости; онъ пользовался потомъ довѣріемъ и любовью князя, но только въ служебныхъ отношеніяхъ и не былъ домашнимъ человѣкомъ, не могъ знать всего, а потому и нельзя отъ него требовать чего-нибудь глубокаго, послѣдовательнаго, біографическаго.

I.

Въ Москвѣ доживалъ свой вѣкъ иѣкто статскій совѣтникъ Францъ Александровичъ Юни. Человѣкъ ученый, образованный, бывшій въ Китаѣ, іезуитъ по душѣ, если не агентъ іезуитовъ.

Онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Андреемъ Ивановичемъ Полемъ и какъ Поль былъ домашнимъ докторомъ и приближеннымъ человѣкомъ супруги свѣтлѣйшаго князя, княгини Татьяны Васильевны (урожденной Васильчиковой), то Юни избралъ Поля проводникомъ для опредѣленія меня, воспитанника бывшаго благороднаго университетскаго пансіона, на службу въ князю. Княгиня, олицетворенное милосердіе, женщина безукоризненная, самыхъ честнѣйшихъ правилъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ порывахъ своего добраго сердца хлопотала тогда объ устройствѣ благотворительныхъ заведеній. Поль далъ перевести мнѣ съ французскаго жизнь св. Викентія Поля, это было совершенно à propos; переводъ былъ посвященъ и лично поднесенъ мною княгинѣ, въ ея кабинетѣ.

Меня поразили тонкія, благородныя черты этой старушки; онѣ обличали ея добрую душу и прежнюю красоту; она была окружена облагодѣтельствованными ею воспитанницами и пила кофе; князь пришелъ пожелать ей добраго утра, какъ онъ это всегда дѣлалъ. Княгиня приняла благосклонно мой трудъ и князь, подходя ко мнѣ, спросилъ: чего я желаю въ благодарность? „Служить при вашемъ сіятельствѣ“. — „Очень радъ открыть вамъ дорогу, подайте завтра просьбу“. Я отблагодарилъ и откланялся. Вотъ первое мое знакомство съ ними.

II.

На другой день день былъ не пріемный; я сказалъ швейцару, что мнѣ приказано, и меня впустили; въ залѣ никого почти не было; только по серединѣ стояли три господина въ карикатурныхъ мундирахъ съ красными воротниками при треугольныхъ шляпахъ и шпагахъ съ самыми кривыми фізіономіями, одинъ худой, длинный, другой настоящій арбузъ на двухъ огурцахъ, третій среднепропорціональный. Около нихъ суетился и шептался чиновникъ особыхъ порученій князя Федоръ Ивановичъ Евреиновъ, добрый простой старичекъ; я его зналъ и, улучшавъ минуту, спросилъ, что это за люди? Для меня съ студенческой лавки это было новость.

— „Это члены (или секретари, не помню) Сиротскаго суда, отвѣчалъ Евреиновъ, я производилъ ревизію и отерылъ много продѣлокъ, князь призвалъ ихъ распечь“.

Адъютантъ отворилъ двери и князь изъ кабинета подошелъ прямо къ нимъ очень близко, вставилъ въ глазъ лорнетъ, онъ былъ очень близорукъ, и прищурясь разсматривалъ ихъ сперва, а потомъ тихо началъ:

— „Это вы мошенники, вы грабители сиротъ“, и тому подобное; оборотаясь къ длинному, онъ добавилъ: „ты честнѣе ихъ, дуракъ, я знаю, зачѣмъ же ты ихъ слушаешь?“ и началъ ругать другихъ скверными словами, которыя произносилъ по своему, неправильно. Толстый обидѣлся и напомнилъ, что онъ титулярный совѣтникъ. Нельзя было удержаться отъ смѣха, видя эту толстую, красную, неуклюжую рожу и типъ благородной фигуры князя,—когда онъ, отступивъ два шага и поднимая ногу, закричалъ: „какъ я тебѣ въ дузо-то дамъ титулярнаго совѣтника!“ онъ разразился въ ругательствахъ и угрозахъ; окончилъ тѣмъ, что, выталькая ихъ буквально въ шею,—простилъ. Онъ терпѣть не могъ предавать суду и дѣлать несчастье; вотъ фактъ этому, хотя не лично, но доподлинно мнѣ извѣстный.

III.

Во второмъ департаментѣ Московскаго уѣзднаго суда служилъ по выборамъ молодой человекъ, надворный совѣтникъ Николай Ивановичъ Степановъ, дѣятельный, умный, но дерзкій и рѣшительный на все.

У него въ судѣ былъ споръ двухъ значительныхъ лицъ, въ 70 тыс.; дѣло рѣшено было въ сенатѣ противъ того лица, руку котораго держалъ князь Дмитрій Владиміровичъ. Дѣло перенесено было въ комиссію прошеній; только нужно было задержать выдачу денегъ. Князь призывалъ Степанова и просилъ его отъ своего имени замедлить выдачу, такъ какъ скоро исполненіе будетъ остановлено; Степановъ обѣщалъ, но взялъ 10 тыс. и деньги выдалъ. Князь сказалъ только: „онъ не уважилъ моей просьбы, но коли это по закону, онъ правъ“.

Вскорѣ послѣ этого Степановъ, имѣя къ Святой надобность въ деньгахъ на коляску, сдѣлалъ въ судѣ фальшивую выдачу выморочныхъ денегъ, но обдѣлилъ одного засѣдателя и тотъ сдѣлалъ доносъ.

Когда это дошло официально до князя, онъ сказалъ: „если бы Степановъ не продалъ моей просьбы, я бы ему простилъ; это заблужденіе молодости, но въ немъ безнравственныя начала, пусть дѣло идетъ законнымъ порядкомъ, а засѣдатель подлець, изъ 200 погубилъ 5 человекъ; при первомъ проступкѣ предать суду“. Засѣдатель былъ скоро преданъ суду, а въ дѣлѣ Степанова князь былъ вполнѣ безпристрастенъ. Степановъ избавился солдатства женитьбой на побочной дочери оберъ-секретаря, у котораго было его дѣло.

IV.

1830 и 1831 годы памяты Москвѣ. Это года холеры, но эти годы отмѣчаютъ блестящія страницы на поляхъ исторіи князя. Онъ явилъ себя тутъ благоразумнымъ, предусмотрительнымъ распорядителемъ; дѣйствія его извѣстны изъ газетъ того времени. При господствовавшемъ убѣжденіи, что холера заразительна какъ чума, онъ былъ въ необходимости—устроить карантинныя и оцѣплять городъ подъ вліяніемъ распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ графа Заѣревскаго. Впрочемъ, отъ этого ли, по другимъ ли причинамъ холера свирѣпствовала въ столицѣ, но не разлилась въ уѣзды.

Городъ терпѣлъ дороговизну, лишенія, строгости, но не было ропота на князя; всѣ были убѣждены въ его благоразуміи и благонамѣренности; спокойствіе не нарушалось, только чернь искала отравителей. Первою мѣрою князя была высылка изъ Москвы черноработныхъ и фабричныхъ до 40 тыс., потомъ устройство на пожертвованія больницъ и раздачу бѣднымъ хлѣба. Что князь лично не вѣрилъ въ прилипчивость холеры, доказывается тѣмъ, что онъ безбоязненно посѣщалъ больницы. Въ этой мысли его поддерживалъ генералъ Карлъ Густафьевичъ Сталь (умершій комендантомъ въ Москвѣ); этотъ старикъ всѣми личными дѣйствіями внушалъ безбоязненность заразы. Какъ бы то ни было, безъ всякихъ крутыхъ мѣръ, князь Д. В. Голицынъ сохранилъ въ Москвѣ тишину и спокойствіе въ такое трудное критическое время; по одному его слову являлись дѣятели, помощники, жертвователи; его нравственное вліяніе на всѣ классы было безгранично. Я только что начиналъ службу и потому, къ огорченію моему, не могу сказать подробнѣе о холерѣ.

V.

Около князя группировалась вся аристократическая молодежь того времени и число чиновниковъ сверхъ штата доходило до полутораста. Валугевы, Топильскіе, князья Урусовы и многіе другіе, воспитанные въ его школѣ, занимали послѣ важныя государственныя должности. Свою канцелярію князь считалъ разсадникомъ, изъ котораго замѣщалъ всѣ должности въ губерніи; онъ это говорилъ вслухъ, и когда одинъ уже опытный чиновникъ просился къ нему, онъ написалъ въ резолюціи: я беру къ себѣ молодежь, чтобъ училась, а г. N опытенъ, можетъ найти другое мѣсто. Князь, воспитанный въ Парижѣ, плохо зналъ русскій языкъ; писалъ мелко, не четко, не подписывалъ и съ ошибками противъ языка; поэтому когда ему приходилось писать большія резолюціи, высказать идеи или дать дипломатическій отвѣтъ, въ чемъ онъ очень былъ искусенъ, онъ писалъ отлично по французски и чиновникамъ оставалось только перевести. Напрасно обвиняли его въ недостаткѣ ума, даже опытъ въ дѣлахъ въ послѣднее время былъ совершенно удовлетворителенъ; онъ былъ упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, особенно противу вышнихъ (надѣюсь представить нѣсколько фактовъ), за то былъ снисходителенъ къ подчиненнымъ и выслушивалъ всѣ возраженія безъ горячности, и хотя дѣйствовалъ по своему убѣжденію, но послѣ добросердечно сознавался въ своихъ ошибкахъ. Былъ дѣятеленъ и никогда не задерживалъ дѣлъ.

Онъ просыпался въ 5 или 6 часовъ и лежа распечатывалъ новыя бумаги, пилъ чай, читалъ доклады; въ 9 часовъ вставалъ и одѣвался; въ 10, сходявши къ княгинѣ, принималъ правителя канцеляріи и близкихъ чиновниковъ; въ 12 въ пріемной залѣ собралось московское начальство и всѣ лица, имѣвшія до него надобность по службѣ; а три дня въ недѣлю принималъ просителей, впрочемъ, въ случаѣ надобности, онъ всегда былъ доступенъ. Передъ обѣдомъ онъ ѣздилъ съ визитами, осматривать войска, заведенія, ревизовалъ присутственныя мѣста лично, даже и въ уѣздахъ; потомъ обѣдалъ въ семействѣ, принимая своихъ приближенныхъ; послѣ обѣда немного отдыхалъ и если не вы-

ѣзжалъ, занимался подписью бумагъ, дѣлами, одинъ или по назначенію своему съ кѣмъ было нужно, занимался долго, иногда до часу, до двухъ. Лѣтомъ онъ уѣзжалъ въ свой майоратъ, въ 12-ти верстахъ за Калугу, и важныя бумаги и дѣла посылали ему туда; разъ въ годъ, зимой, ѣздилъ въ Петербургъ. Вотъ общій очеркъ его времяпровожденія.

VI.

Кн. Д. В. Голицынъ былъ самостоятеленъ и не признавалъ надъ собою власти, кромѣ царской. Однажды въ мое дежурство явился чиновникъ министра внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ, съ Владиміромъ на шеѣ. Я доложилъ. Князь сейчасъ вышелъ и молча подошелъ, смотря на него вопросительно. Тотъ подалъ конвертъ. Князь велѣлъ мнѣ распечатать и прочесть, пока я читалъ—чиновникъ объяснилъ, что онъ присланъ министромъ обревизовать московскіе надворные суды. Князь взялъ у меня бумагу, велѣлъ позвать оберъ-полицмейстера полковника Цынскаго. Когда тотъ взошелъ, князь ему сказалъ: «наблюдайте, чтобъ этотъ господинъ въ 24 часа выѣхалъ изъ Москвы, а вы скажите своему министру, пока князь Голицынъ въ Москвѣ, никто Москвы ревизовать не будетъ», и, измявъ бумагу, бросилъ ее. Чиновникъ сконфуженный пошелъ ронъ; князь не его хотѣлъ оскорбить, а дать плюху министру, поэтому:

— «Постойте, добавилъ онъ, можетъ быть у васъ есть собственныя дѣла, родные въ Москвѣ?—вамъ нужно здѣсь пробить?»

Есть, ваше сіятельство.

— «Долго-ли рассчитываете здѣсь остаться?»

Недѣли двѣ.

— «Мнѣ очень пріятно видѣть васъ гостемъ, можете остаться, а министру я напишу».

VII.

Князь не всегда былъ счастливъ въ выборѣ людей, но былъ очень привязчивъ. При немъ давно служилъ по особымъ порученіямъ Ѳеодоръ Михайловичъ Тургеневъ, который завѣдывалъ у него раскольниками, секретными дѣлами и конфиденціальной дипломатической перепиской князя. Онъ былъ недобросовѣстенъ съ одной стороны, угождая князю посредничествомъ по части влюблячи, до которой князь страшно былъ лакомъ. Тургеневъ продавалъ его по службѣ и страшно нажился! Напрасно намекали князю; онъ не хотѣлъ вѣрить такой черной неблагодарности, со стороны челоуѣка, получившаго черезъ него генеральскій чинъ и груду орденовъ, не считая нажитыхъ 3-хъ тыс. душъ, но что было ждать отъ челоуѣка развратнаго, не поцадившаго родной дочерп.

Когда устроились жандармство и тайная полиція, Тургеневъ написалъ письмо къ графу Бенкендорфу, вызываясь на основаніи своей приближенности къ князю быть шпиономъ при своемъ благодѣтелѣ. Этотъ поступокъ несправедливо приписывали адъютанту Петру Петровичу Новосильцеву; Новосильцевъ не былъ способенъ на это и до конца жизни князь сохранилъ къ нему расположеніе, чего не могло быть—послѣ такого дѣйствія.

Графъ А. X. Бенкендорфъ—по благородству своей души, не смотря на холодныя свои отношенія къ князю, прислалъ ему это письмо Тургенева въ оригиналѣ. У князя было въ этотъ день какое-то совѣщаніе и къ нему собрались всѣ московскія власти. Во время жаркаго разговора Тургеневъ взошелъ по обыкновенію нагло безъ доклада. Князь не обратилъ на него вниманія. Тургеневъ приближался и повторялъ поклоны.

Князь, наконецъ, оборотился и не поклонился; онъ всегда его называлъ по имени, но тутъ, вынувъ изъ подъ бронзовой собачки роковой конвертъ, сказалъ холодно: «г. Тургеневъ, прочтите это вслухъ»; тотъ схватилъ и вдругъ лицо его вытянулось, онъ узналъ свое письмо; разумѣется, языкъ не шевелился, руки дрожали; князь приказалъ бывшему тутъ чиновнику прочесть и бумагу графа, и письмо Тургенева. Послѣ чтенія взялъ, положилъ подъ собачку и не сказавъ ни слова Тургеневу—отвернулся и

заговорилъ съ членами собранія о другомъ предметѣ. Тургеневъ былъ уничтоженъ, онъ пятился, пятился и провалился въ дверь, чтобы больше не являться. Презрѣнный всѣми, еще долго шатался онъ по Мясницкому бульвару, думая только о развратѣ—и умеръ забытый всѣми.

VIII.

Учрежденіе жандармства не нравилось князю Д. В. Голицыну, не потому, чтобы это былъ тайный контроль въ его управленія и гордость его оскорблялась, но по боязни того неумовимаго вліянія, того неотразимаго зла, которое могли дѣлать въ обществѣ, въ частной жизни. члены тайной полиціи, по влеченію своихъ личныхъ отношеній; онъ не могъ составить прямой оппозиціи государственному учрежденію и требовать для себя исключенія, но сейчасъ задумалъ парализовать дѣйствія жандармовъ и ввести ихъ въ тѣсную раму политическаго круга дѣйствія и достигъ своей цѣли.

Подъ предлогомъ размноженія дѣлъ о раскольникахъ, секретной и дипломатической переписки и необходимости имѣть въ губерніи по дѣламъ неполитическимъ тайныхъ агентовъ, князь психодатайствовалъ учрежденіе при своей канцеляріи секретнаго отдѣленія и испросилъ штрафную сумму за просрочку въ Москвѣ адресныхъ билетовъ въ безотчетное свое распоряженіе (до 70 тыс. ассигн. въ годъ) на содержаніе тайныхъ агентовъ. Управленіе этою канцеляріею и агентами онъ ввѣрилъ служившему при немъ князю Ивану Ѳеодоровичу Голицыну, человѣку жестокому, но хитрому и вполне сочувствовавшему мысли дяди. Предположенія князя Дмитрія Владиміровича скоро оправдались на дѣлѣ; жандармы не только слѣдили нѣтъ ли заговоры и бунтовщиковъ, но проникали въ семейныя тайны, касались администраціи, доносили на частныхъ лицъ и присутствіе тайнаго надзора посѣяло во всѣхъ страхъ и стало отзываться въ общественной жизни, ибо изъ всего могли сдѣлать поводъ къ непріятностямъ враги тайные, безотвѣтственные, но скоро обозначились и дѣйствія Ивана Ѳеодоровича Голицына; едва только жандармы что нибудь доносили и графъ Бенкендорфъ сообщалъ князю

Дмитрію Владиміровичу для распоряженія или предупрежденія, князь имѣлъ уже данныя отвѣчать, что это вздоръ, если это былъ вздоръ, или что онъ уже принялъ свои мѣры къ предупрежденію зла, если была правда; при этомъ почти всегда дѣйствія жандармовъ представлялись ихъ начальству бесполезными, запоздалыми, преувеличенными и часто князь Дмитрій Владиміровичъ прямо писалъ, что они вмѣшиваются не въ свое дѣло. Это породило сильное неудовольствіе между шефомъ жандармовъ и генераль-губернаторомъ, отстаивавшимъ спокойствіе ввѣренной ему столицы; его полиція была такъ дѣятельна, что вездѣ предупреждала жандармовъ, а онъ самъ, гдѣ только могъ, уничтожалъ или ослаблялъ ея дѣйствія. Позже помирилъ князя Дмитрія Владиміровича съ графомъ Бенкендорфомъ и военнымъ министромъ княземъ Чернышовымъ чиновникъ его Барышниковъ, вступившій на мѣсто умершаго князя Ивана Федоровича Голицына; они, т. е. кн. Д. В. Голицынъ, Бенкендорфъ и Чернышевъ сдѣлались истинными друзьями и единомысленниками.

IX.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, въ какомъ духѣ князь Дмитрій Владиміровичъ противодѣйствовалъ тайной полиціи.

Какъ человѣкъ образованный, онъ желалъ образованности, общественнаго мнѣнія, гласности и даже доходилъ до представленія проекта объ открытіи въ Москвѣ, въ видѣ опыта, публичнаго судопроизводства. Въ канцеляріи былъ чиновникъ Семенъ Ивановичъ Стромилловъ; онъ писалъ очень хорошо стихи, но преимущественное направленіе его таланта было сатирическое, никто не ускользалъ отъ его насмѣшекъ; когда князь Дмитрій Владиміровичъ выдалъ свою любовницу актрису Лопухину за глупаго князя Х...ва, польстившагося на камергерскій ключъ, Стромилловъ написалъ эпиграмму и князь Дмитрій Васильевичъ первый хохоталъ. Потомъ, когда сгорѣлъ въ Петербургѣ Зимній дворецъ — Стромилловъ написалъ на князя Волконскаго басню, которая начиналась такъ:

Волъ, конской сбруею украшенный, стоялъ, и пр.

Сатира была и зло, и мѣтко написана. Черезъ нѣсколько времени графъ Бенкендорфъ сообщаетъ князю особое повелѣніе, что такъ какъ авторъ живетъ въ Москвѣ, то отыскать его и, заковавъ, доставить въ Петропавловскую крѣпость. Князь зналъ автора. Онъ призвалъ Стромилова и показалъ ему бумагу, тотъ помертвѣлъ. «Вотъ, сказалъ князь, Богъ даетъ вамъ, молодымъ, таланты, а вы обращаете ихъ себѣ во вредъ! Пиши на меня, а это . . . не тронь. Ну, что если я тебя пошлю? ты погибъ и изъ за чего? изъ за краснаго словца! ступай сейчасъ домой, у тебя вѣрно есть еще что запрещенное, уничтожь; могутъ накрыть жандармы, тогда и я не спасу, ступай скорѣй!»

Тѣмъ и кончилось; на бумагѣ онъ велѣлъ донести, что авторъ не отысканъ. Вообще онъ сердился, когда ему приходилось исполнять строгія мѣры, по доносамъ жандармовъ; онъ говорилъ: „они губятъ людей, а я отвѣчай и передъ людьми, и передъ Богомъ“.

X.

1834 годъ огненными чертами записанъ въ лѣтописяхъ Москвы; два мѣсяца пожары пестребляли городъ; 8 іюня сгорѣло Лафертово; 11 августа 290 домовъ; на 11 милліоновъ погибло отъ огня въ Рогожской; пожары были по нѣсколько разъ въ день, команда обезсилила, лошади замучились, Цынскій нанималъ извозничихъ по 5 и по 6 р. ас. въ день. Ясно было видно, что это не случайность, что тутъ злоумышленность! Народъ волновался, обвинялъ внѣшнихъ враговъ, во всѣхъ видѣлъ поджигателей и стало опасно ходить по улицамъ! Волненіе выходило изъ границъ общественнаго спокойствія и угрожало бунтомъ. Жандармы оказались безсильны! Но князь Дмитрій Владиміровичъ является и тутъ отличнымъ администраторомъ! Чѣмъ успокоить народъ, предупредить насилія? Нужны очистительныя жертвы для спасенія жертвъ—отъ волненія черял.

Первыхъ заподозрѣнныхъ въ поджогахъ судятъ военнымъ судомъ и подвергаютъ публичной казни безъ ясныхъ уликъ, но пожары не прекращаются, народъ волнуется—нѣсколько жертвъ безъ вины пали отъ его подозрительности (въ томъ числѣ полковникъ Сомовъ). Князь испрашиваетъ разрѣшеніе государя при-

нять сильнѣйшія мѣры и князь Иванъ Ѳеодоровичъ Голицынъ отерываеъ слѣды — шайки разбойниковъ-поджигателей, ловить 17 человекъ и находить у нихъ грабежныя съ пожаровъ вещи, но только двое изъ нихъ сознаются, остальные забираются, а съ ихъ арестомъ пожары прекратились. Сильное обвиненіе. Князь Иванъ Ѳеодоровичъ прибѣгаетъ къ формальной пыткѣ и истязаніемъ вынуждаетъ признаніе. Виновные наказаны, 400 тыс. жителей успокоены, но князь Дмитрій Владиміровичъ узнаеъ чѣмъ Иванъ Ѳеодоровичъ достигъ этого, ѣдетъ осмотрѣть орудія пытки (въ сводѣ вдѣлаво было кольцо, допрашиваемаго привязывали внизъ головой и били нагайками, или голандской бичевкой, перетягивали руки и вѣшали за веревку на гвоздь и т. п.) и, убѣдясь въ ихъ жестокости, удаляетъ князя Ивана Ѳеодоровича Голицына отъ дѣлъ.

Напрасно ему доказывали, что всѣ наказанные кромѣ поджоговъ давно заслужили кнутъ. Его чистая душа не выносила насилія.

ХІ.

Но не надо думать, чтобъ князь Дмитрій Владиміровичъ потакалъ преступленіямъ и былъ слабъ; нѣтъ—онъ потачекъ не давалъ, но не терпѣлъ жестокости. Когда 22-го августа 1832 г. его агентами открытъ былъ заговоръ Сунгурова, Гурова и Козлова, онъ энергическими мѣрами предупредилъ исполненіе, назначенное въ кремлевскомъ саду; во время гулянья въ Кремлѣ, эзердисъ-гаузѣ, вездѣ были войска, пушки, патрули, а народъ гулялъ себѣ и ничего не зналъ; въ ту-же ночь забраны заговорщики.

Зачинщики оказались п — ми: подъ видомъ политической цѣли они привлекли человекъ 70 пылкой молодежи, имѣя отъ нихъ тайный замыселъ, если удастся смятеніе, ограбить опекунскій совѣтъ и усакавать. Голицынскій агентъ втерся въ кругъ заговорщиковъ и только за нѣсколько часовъ до исполненія дозналъ ихъ гнусный планъ.

Князь Д. В. Голицынъ съ перваго раза отдѣлилъ зачинщиковъ отъ завлеченныхъ и первыхъ предалъ всей строгости содержанія, но когда надъ ними былъ исполненъ приговоръ, князь смягчился

и прежде отправленія ихъ на каторгу далъ имъ устроить свои семейныя дѣла, а молодежь сильно отстаивалъ у государя Николая Павловича и многимъ выпросилъ прощеніе.

XII.

Его состраданіе проявлялось вездѣ! Онъ умѣлъ разграничивать строгость закона и жестокость мѣръ. Такъ, въ 1839 году (или около, не помню) черезъ Москву пересылались графомъ Паскевичемъ до 150 поляковъ, замѣшанныхъ въ какомъ-то польскомъ заговорѣ. Эти несчастные были схвачены лѣтомъ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ везлись на почтовыхъ со всѣми жандармскими строгостями въ Сибирь. Бѣлье и платье, на многихъ больныхъ, истлѣли въ содержаніи, у многихъ вовсе не было верхней одежды и изъ Варшавы до Москвы они не отдыхали. Князь, узнавши это, выбранилъ Паскевича и сейчасъ велѣлъ ихъ задерживать для отдыха въ Москвѣ, снабжать бѣльемъ, платьемъ и теплой одеждой въ приличномъ видѣ изъ секретныхъ суммъ, и мало этого, онъ позволилъ имъ написать письма къ роднымъ.

Они его благословляли и было за что. Жестокость отправленія изъ Варшавы этихъ арестантовъ всего разительнѣе отразилась на двухъ графиняхъ, матери и дочери лѣтъ 20-ти, обвиненныхъ въ заговорѣ. Эти свѣтскія женщины, безъ перемѣны платья, провели 2½ мѣсяца въ казачьихъ Варшавы и прямо изъ тюрьмы, въ лѣтней одеждѣ, на почтовыхъ телѣгахъ, привезены въ Москву, для заключенія въ монастырь (онѣ поступили въ Новодѣвичій). Княгиня Татьяна Васильевна Голицына заплакала, услыжавъ о ихъ ужасномъ положеніи, сейчасъ прислала имъ съ своими воспитанницами бѣлье, платье, все, что было нужно, и ихъ повезли въ монастырь уже вымытыми и прилично одѣтыми.

XIII.

Князь простиралъ свою доброту далѣе, особенно если видѣлъ явную несправедливость; вотъ одинъ случай его самостоятельности: какой-то иностранецъ графъ, образованный, богатый человекъ, съ австрійскимъ паспортомъ пріѣхалъ въ Москву. На дорогѣ онъ ударилъ станціоннаго смотрителя; донесли государю; его паспортъ потребовали въ Петербургъ, учредили за нимъ секретный надзоръ, и потомъ, безъ объясненія причинъ, графъ Бенкендорфъ сообщилъ повелѣніе: сослать его въ Сибирь. Князь остановился въ исполненіи такого приговора, и написалъ графу, что этотъ иностранецъ не нарушилъ русскихъ законовъ въ такой степени, чтобъ подвергнуться ссылкѣ; но между тѣмъ все таки не могъ не арестовать иностранца.

Эта мѣра, при всѣхъ деликатныхъ предосторожностяхъ, такъ поразила арестованнаго, что у него хлынула ртомъ и носомъ кровь! Графъ Бенкендорфъ отвѣтилъ князю, что паспортъ этого человека по сношенію съ Вѣной оказался фальшивымъ и что онъ не смѣетъ о немъ передокладывать государю. Между тѣмъ иностранецъ просилъ аудіенцію у князя. Князь его принялъ, онъ явился въ черномъ фракѣ со звѣздой, наружность, видъ, манеры являли высшаго сановника. Князь принялъ его наединѣ въ кабинетѣ, потребовалъ опечатанный у него при арестѣ портфель, тамъ были въ нему письма царственныхъ германскихъ особъ, объяснявшихъ его личность. Кто онъ былъ, никто не зналъ, кромѣ князя, только князь проводилъ его съ почетомъ до сѣней, тотчасъ былъ написанъ всеподданнѣшій рапортъ, гдѣ рѣзко объяснялось все дурное впечатлѣніе, которое произведетъ на европейскіе дворы такая неоправданная жестокая мѣра, а для объясненія, кто это лицо, было оставлено въ бумагахъ мѣсто, которое князь пополнилъ своеручно и запечаталъ своею печатью. Последовала высочайшая воля отправить иностраннаго графа въ Одессу, откуда князь Воронцовъ сейчасъ посадилъ его на пароходъ и отвезъ въ Константинополь. Нечего говорить, что во время ареста съ этимъ лицомъ обходились съ почетомъ и, сколько можно было, смягчали его положеніе, но онъ и самъ понималъ, что большаго требовать нельзя. Кажется, это былъ одинъ изъ

высшихъ участниковъ революціи 1830 г. и чуть-ли не его имя упоминается въ запискахъ Сильвіо Пеллио.

XIV.

1840 годъ принесъ Москвѣ новое бѣдствіе—голодъ, запасы хлѣба истощались, цѣны возвысились до 45 р. ас. за куль, подвозу не ожидалось, ибо неурожай былъ повсемѣстный. Что было дѣлать? выслать рабочихъ и фабричныхъ, но они будутъ умирать съ голоду въ деревняхъ, надо и деревнямъ помочь. У князя зарождается великая мысль, обширная мѣра благотворительности. Онъ приглашаетъ первостатейныхъ купцовъ, капиталистовъ и оптовыхъ хлѣбныхъ торговцевъ, всѣ являются на его зовъ;

— „Господа, говоритъ князь, вы знаете бѣдствія Москвы, передъ нашими глазами люди умираютъ съ голоду; а что впереди? у насъ хлѣба только до февраля; въ такое время долгъ русскаго гражданина помочь своему городу; но я не требую отъ васъ жертвъ, вы не можете столько пожертвовать, чтобъ спасти всѣхъ отъ нужды и гибели. Вотъ что я предлагаю, господа: собрать займы капиталъ, послать сейчасъ на Волгу и скупить и привезти хлѣбъ и продавать его безъ барышей. Я всѣхъ васъ бѣднѣе, господа. у меня на лицо денегъ 70 тыс. ас.; я 60 тыс. ас. даю въ займы Москвѣ“, и онъ положилъ ихъ на столъ.

Общія восклищанія отвѣтили на такой благородный вызовъ. Куманнины, любимцы князя — Рохмановы, Алексѣевы. Рахмановы спѣшили подписаться на это великое человеколюбивое дѣло и въ нѣсколько минутъ на листѣ подписки цифра выросла до 1.300,000. Тутъ же былъ составленъ изъ складчиковъ комитетъ (князь страшно любилъ комитеты); выбраны повѣренныя и отправлены въ разныя мѣста для закупки хлѣба. Между тѣмъ оптовые торговцы по уменьшенной цѣнѣ и даже даромъ сами вызвались отпускать бѣднымъ хлѣбъ, а князь выпросилъ у государя займы 30 тыс. кулей, которые сплавлялись въ с.-петербургскіе магазины и были съ дороги поворочены на Шошу.

Князь постепенно сталъ понижать цѣны и скоро довелъ ихъ до 22 руб. за куль; хлѣбъ отпускался и въ деревни; губернія и столица были сыты, крестьяне въ деревняхъ не ѣли мякины,

хоры и навозу, какъ въ другихъ губерніяхъ, и смертность не возвысилась надъ обыкновенной.

Великая заслуга передъ царемъ, отечествомъ и человѣчествомъ! За это князь получилъ титулъ свѣтлѣйшаго. Капиталы обернули два раза; при всей безкорыстности принесли по 10% хозяевамъ и черезъ годъ воротились къ нимъ въ цѣлости.

XV.

Купечество свою привязанность, любовь и уваженіе къ князю пожелало увѣковѣчить монументомъ. Составились подписка и рисунки; избрали рисунокъ архитектора Быковского: на малахитовомъ съ серебряными орнаментами пьедесталѣ (работы Сазикова) грудной бюстъ князя (работы Витали) изъ бѣлаго мрамора, съ приличными надписями. Намѣревались поставить монументъ въ биржевомъ залѣ, созданномъ княземъ. Но императоръ не позволилъ воздвигнуть монументъ при жизни и разрѣшилъ поднести его князю для храненія дома въ потомствѣ. Этотъ пзящный и цѣнный, въ матеріальномъ и нравственномъ смыслѣ, памятникъ такой любви, какой не пользовался ни одинъ главнокомандующій въ Москвѣ, при жизни свѣтлѣйшаго стоялъ у него въ маленькой гостиной, на Тверской, въ казенномъ домѣ, а послѣ смерти его перенесенъ въ маіоратъ, имѣніе князей Голицыныхъ, находящееся въ 12 верстахъhalb отъ Калуги.

XVI.

Маіоратъ князей Голицыныхъ расположенъ на прекрасной мѣстности, но въ 1841 году былъ запущенъ, въ строеніяхъ не было особенной роскоши, все было прилажено для простой семейной жизни; тамъ лѣтомъ князь Дмитрій Владиміровичъ отдыхалъ отъ своихъ трудовъ въ патриархальной жизни; за строеніями далеко простирается паркъ; каждый владѣтель насаживаетъ двѣ или три десятины рощи, съ дорогами; въ центрѣ памятникъ и жизнеописаніе каждаго владѣльца; первая роща сосновая, строевой лѣсъ, 2-я липовая, 3-я опять хвойная, роща князя Дмитрія Владиміровича березовая и уже очень крупная.

Я пріѣхалъ съ важными бумагами и прямо явился къ князю на бурьерскихъ по страшной болоти; калужская глиняная дорога засохла колеями. Князь велѣлъ мнѣ прежде отдохнуть; я остановился въ квартирѣ товарища своего В. Д. Серебракова во флягелѣ; сейчасъ принесли кофе и заусеу. Къ обѣду я одѣлся въ вицъ-мундиръ и по звонку пошелъ въ столовую въ 3 часа, гдѣ уже собралась вся семья; княгиня уже не могла ходить. ее возили въ креслахъ; тутъ были сыновья князя, воспитанники, дочери предсѣдателя Смирнова, прокуроръ изъ чиновниковъ князя и еще кое кто. Князь встрѣтилъ меня вопросомъ:

— «Куда ты пришелъ?»—Я не понялъ вопроса.

— Къ вашему сіятельству.

— «Знаю, да куда?»

— Въ столовую.

— «А гдѣ эта столовая?»

— Въ имѣньи вашего сіятельства.

— «Въ деревнѣ?»

— Точно такъ.

— «Такъ для чего форма, развѣ нѣтъ сюртука? Поди передѣнься».

Три дня князь откладывалъ докладъ и когда я рѣшился напомнить, что бумаги нужны, онъ отвѣчалъ: «развѣ тебѣ у меня случно?»

Наконецъ, разрѣшилъ вопросы; я въ ночь сочинилъ бумаги. Серебряковъ переписалъ и утромъ я подаль князю. — «Вишь торопится, сказалъ онъ. такъ вотъ не уѣдешь, бумаги отправь съ курьеромъ, а самъ останься». Никогда не забуду я этихъ двухъ недѣль, проведенныхъ въ теплотѣ семейной, радушной, простой жизни князей Голицыныхъ. Мы всѣ были какъ дѣти съ отцемъ, начальника не было, князь шутилъ, ѣздилъ съ нами на прогулки, мѣшался въ игры, подставлялъ барышнямъ ногу въ горѣлкахъ и былъ очень веселъ. Пришелся храмовой праздникъ, собралось тьма народу; по приказанію княгини, были привезены воза пряниковъ, орѣховъ, которые она сама бросала въ народъ. И тутъ ясно выражалась народная любовь къ князю и его семейству: крикамъ, возгласамъ, непритворному веселью не было конца. Потомъ устроились театры, прогулки, игры и время пролетѣло незамѣтно.

XVII.

Серебряковъ былъ одинъ изъ сыновей честнѣйшаго и благороднѣйшаго генерала, начальника комитета снабженія войскъ сузнами. Когда старикъ умеръ, разумѣется, у него, какъ у честнаго человѣка, ничего не осталось; братья все отдали сестрамъ, а сами потеряли даже мѣста въ комитетѣ. Серебряковъ попалъ въ канцелярію князя, но какъ хорошій каллиграфъ обреченъ былъ на 600 р. асс. жалованья и на вѣчные писцы. При поѣздкѣ князя въ Петербургъ его взяли какъ хорошаго писца; князь замѣтилъ его, полюбилъ и приблизилъ къ себѣ; Серебряковъ былъ скромный, даже робкій, но очень нравственный молодой человѣкъ. Онъ жилъ у князя, былъ всегда при немъ, даже ѣздилъ съ нимъ за границу и могъ бы оставить о свѣтлѣйшемъ очень интересныя подробности, онъ былъ при смерти князя въ Парижѣ и по завѣщанію получилъ 3 тыс. пенсіи.

Послѣ смерти отца, главнымъ средствомъ жизни четырехъ сестеръ Серебрякова была аренда; она кончилась въ 1841 году; князь общалъ выхлопотать продолженіе, но Серебряковъ не смѣлъ напомнить. Я взялся за это; за столомъ шутя сказалъ князю, что онъ забываетъ обѣщанія. Князь вспыхнулъ; онъ свое слово ставилъ выше всего; я шутя опять объяснилъ дѣло; князь разбранилъ Серебрякова и велѣлъ мнѣ написать письмо принцу Ольденбургскому. Аренда въ 5 тыс. дана еще на 6 лѣтъ.

Готовность князя Дмитрія Владиміровича на добро никогда не обманывала тѣхъ, кто прибѣгалъ къ нему. У меня былъ братъ, молодой, семейный человѣкъ, проигравшій все состояніе; онъ былъ военный, ему хотѣлось поступить въ кадетскій корпусъ офицеромъ, но онъ не имѣлъ права по воспитанію. Я прибѣгъ къ князю, описавъ бѣдственное положеніе брата. «Я его не знаю, отвѣчалъ князь»; я ручался; князь подписалъ письмо къ великому князю Михаилу Павловичу и черезъ мѣсяцъ братъ былъ опредѣленъ.

Князь Д. В. былъ безукоризненной честности и взятокъ для него не существовало; никто не осмѣлится упрекнуть его въ лихоимствѣ; если онъ и бывалъ неумышленно пристрастенъ, то по вліянію близкихъ по сердцу или по службѣ людей. Но и у

его приближенныхъ не было безприветвеннаго, чернаго взяточничества, тяготящаго надъ личностями; не скажу, чтобы правитель канцеляріи П. Ф. Степановъ, Г. М. Барышниковъ не нажили состоянія, но твердо удостовѣряю, что въ канцеляріи между секретарями и чиновниками безкорыстіе и честность были развиты въ высшей степени; одинъ чиновникъ Комаровскій взялъ 200 р.; въ тотъ же день товарищи, узнавши, заставили его выйти въ отставку; если грѣшили еще, то нѣкоторые чиновники особыхъ порученій, дѣла которыхъ были тайна. Князь Д. В. ежегодно выпрашивалъ у государя для всей канцеляріи, въ которой было много бѣдныхъ людей, годовые и полугодовые оклады и раздавалъ сверхъ того остатки суммъ. Нѣкоторымъ давалъ у себя квартиры и помогать отъ себя.

XVIII.

Князю много приписывали фаворитокъ; нельзя отрицать, чтобы онъ не былъ любострастенъ, особенно когда жена захворала и состарѣлась; Москва приписывала ему связи съ П—вой.

Дѣйствительно, онъ очень любилъ эту женщину и она имѣла на него безграничное вліяніе; онъ велѣлъ ее пьянаго мужа — подвести подъ публичное изобличеніе въ развратъ; это было сдѣлано. П—ва накрыли, какъ говорится. Жена стала просить формальнаго развода, но всѣ боялись, что князь (онъ уже овдовѣлъ въ это время) женится на П — вой и въ синодѣ зять его, графъ Протасовъ, помѣшалъ разводу; П—ва былъ отданъ въ монастырь. Но кажется достовѣрно, что это была клевета и тутъ была другая любовь — любовь отеческая. Всѣ знали, что нѣкогда князь былъ въ связи съ женой своего управляющаго А — ва; двухъ его сыновей и дочь (П — ву) называли дѣтьми князя, и это вѣроподобно, онъ о нихъ цекся, какъ отецъ. Серебряковъ свидѣтельствуетъ, что обхожденіе князя съ П — вой было отеческое, а Серебрякову можно вѣрить, онъ былъ интимный въ домѣ. Кромѣ того вотъ фактъ, опровергающій подозрѣніе на князя. Командиръ карабинернаго полка С—й былъ въ явной связи съ П — вой; князь не могъ не понять этого, но любилъ С — го и бывалъ часто у него. Разъ, получивъ экстренную

депешу, я отыскалъ князя у полеовника. Князь сидѣлъ развалившись на большихъ креслахъ, П — ва и Столповской чуть не обнявшись на диванѣ. Какъ же могъ князь быть въ такой степени чуждъ ревности, чтобъ допускать это.

XIX.

Но все таки любострастная жизнь была причиною смерти князя; хотя онъ умеръ 73 лѣтъ, но эта крѣпкая натура могла существовать долѣе. При ослабленіи силъ—онъ прибѣгалъ къ разнымъ крѣпительнымъ средствамъ и неутомленные приемы шпанской мухи породили ракъ въ мочевомъ пузырьѣ, который доктора приняли за каменную болѣзнь. Въ 1843 году въ послѣдній разъ проводили мы князя Д. В. за границу; онъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобъ больше не возвращаться. П — ва умерла передъ этимъ отъ сильнаго приема (лекарства) на пароходѣ. Въ Парижѣ были приглашены лучшіе доктора; ихъ было пять. Орфила понялъ болѣзнь князя и возсталъ противъ операціи, но его пересилили — и сдѣлали операцію; князь умеръ чуть не подъ ножомъ. Тѣло его привезено въ 1843 году въ Москву. Не было объявлено о времени пріѣзда, но у заставы дождалась толпа народа, купцовъ и чиновниковъ; только что показались печальные дроги — всѣ безъ приготовленія, по единомысленному стремленію, выпрягли лошадей и на себѣ повезли бренные остатки нѣжно любимаго начальника; это было вечеромъ, не вѣсть откуда явились факелы. Въ грустной торжественной тишинѣ потянулася импровизированная процессія, улицы запрудились народомъ, никакой полиціи не было — но тишина была поразительная; многіе плакали; черезъ Дорогомиловскій мостъ по Арбату и бульварамъ везли на себѣ дроги и сняли гробъ въ церкви Дмитрія Солынского, возлѣ Страстнаго монастыря, гдѣ онъ и стоялъ до торжественныхъ похоронъ. Какого еще памятника? Три дня площадь была залита народомъ. Торжественное погребеніе испортила погода и нераспорядительность; колесница не прошла въ Іверскія ворота и должно было обвезить вокругъ.

Тѣло князя предано землѣ въ семейной церкви князей Голицыныхъ, въ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ прахомъ его достойной супруги Татьяны Васильевны. Участвовавшимъ въ похоронахъ розданы золотыя кольца.

На другой день мы, чиновники его канцеляріи, сложились деньгами и въ главахъ усопшихъ поставили богатую икону, въ серебряной ризѣ — съ неугасаемой лампадой. Чѣмъ больше могли мы выразить всю вѣчную любовь свою къ такому безпримѣрному начальнику?

Сверхъ этого, остались еще деньги. Рѣшили назначить премію за лучшее біографическое сочиненіе о жизни свѣтлѣйшаго князя. Премія досталась бывшему секретарю его, а потомъ директору опеунскаго совѣта В. Н. Драшисову, но она составлена кратко, изъ однихъ оффиціальныхъ фактовъ и можетъ только служить канвой для будущей полной біографіи.

Вотъ пока все, что врѣзалось въ моей памяти и сердцѣ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Прибавлю къ тому, что онъ пользовался неограниченною довѣренностью и любовью императора Николая Павловича. Князь Дмитрій Владиміровичъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ другимъ послѣднимъ представителемъ боярства въ Москвѣ, любимцемъ Москвы — княземъ Сергіемъ Миханловичемъ Голицынымъ, также съ митрополитомъ Филаретомъ; князь Дмитрій Владиміровичъ совѣтовался съ нимъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ и слушался его. Къ этимъ лицамъ, встрѣчавшимъ государя въ Кремлѣ, императоръ самъ дѣлалъ визиты при первомъ выѣздѣ, а сыновья ѣздили къ нимъ первые.

Между этими тремя главными лицами Москвы существовала, кромѣ личнаго уваженія и дружбы, какая то государственная тайна, кажется, относившаяся ко времени распечатанія духовнаго завѣщанія императора Александра I.

Сообщ. въ 1876 г. С. И. Погодина изъ бумагъ М. П. Погодина.
